
ФОРМЫ И ВИДЫ ПРИЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Х.М. Джантаев

Центр исследований экономических проблем СНГ
Совет по изучению производительных сил (СОПС) РАН
ул. Вавилова, 7, Москва, Россия, 117997

На основе анализа различных концепций признания и рассмотрения механизма действия института признания во времени, обобщения современной практики автор приходит к выводу о том, что отдельные («промежуточные») формы признания (де-факто, ad hoc) утрачивают свое первоначальное значение, уступая место официальному признанию в полном объеме (признанию де-юре).

Ключевые слова: признание де-юре, де-факто, ad hoc; признание государств, правительств, восставшей стороны, нации, правительства в изгнании.

Число государств в мире, и это очевидно, никогда не остается неизменным, их количественный рост — результат и проявление объективного исторического процесса. На месте одних государств появляются новые. Так, если в начале 50-х гг. XX в. на политической карте мира было всего 64 государства, сегодня их более двухсот. Пик появления новых государств на мировой арене пришелся на середину прошлого века, когда рушилась мировая колониальная система. Распад СССР и Югославии в конце XX в. привел к возникновению примерно двадцати новых государств.

В связи с возникновением новых государств неминуемо встает вопрос об их положении в мировом сообществе, что придает проблеме особую актуальность. Важная роль принадлежит здесь институту международного признания.

Хотя данный вопрос не относится к числу малоисследованных, однако «доктрина, — как отмечал И.И. Лукашук, — еще далека от единства». Объясняется это прежде всего тем, что данный институт особенно тесно связан с политикой [8. С. 346].

Поэтому едва ли можно удивляться тому, что попытка Комиссии международного права ООН кодифицировать относящиеся к данному институту международно-правовые нормы так ничем и не завершилась [20. Р. 112]. Решающая роль в урегулировании признания сохранилась за основными принципами международного права и практикой государств и международных организаций.

Появление нового субъекта или создание в какой-либо стране неконституционным путем нового правительства, будучи «личным» делом соответствующего народа, вызывает, тем не менее, определенную реакцию со стороны пра-

вительств других стран. Международно-правовое признание представляет собой акт признающего государства, констатирующий образование нового субъекта международного права или создание нового правительства в той или иной стране [11. С. 136]. «Признание нового государства со стороны уже существующего государства, — пишет Г.И. Тункин, — состоит в том, что последнее заявляет или иным образом показывает, что оно считает новое государственное образование суверенным государством, полноправным участником международных отношений» [13. С. 20].

Основными видами признания являются признание нового государства и признание нового правительства, хотя практике известны и другие адресаты признания. Так, в годы Первой мировой войны имели место признания стороны в качестве нации. В период Второй мировой войны — признание правительства в эмиграции (или правительства в изгнании) и органов Сопротивления. В эпоху крушения колониализма — признание органов национально-освободительного движения. Применительно к признанию государств подчеркнем, вслед за известными специалистами в этой области, что субъектом международного права государство становится с момента своего появления на международной арене, а признание в отношении его правосубъектности играет при этом лишь констатирующую роль.

Признание государств

В значительном числе случаев признание нового субъекта международного права является молчаливым. Такое положение облегчает юридическое оформление межгосударственных отношений, в которых правотворчество отличается особой сложностью [8. С. 346].

Относительно юридического значения признания нового государства существуют две теории: конститутивная и декларативная. Согласно конститутивной теории, признание конституирует, порождает международную правосубъектность государства, превращая его фактическое состояние в юридическое (Лоример, Казанский, Циммерман, Штрупп, Оппенгейм, Лаутерпахт и др.). Эта теория, придававшая акту признания государства решающее значение в деле образования нового субъекта международного права, была направлена против суверенитета государств, возникающих в результате победы социальных революций и национально-освободительной борьбы народов, вставших на путь обретения независимости от иностранного господства.

Согласно декларативной теории признание лишь констатирует факт появления на мировой арене нового субъекта международного права. Возникшая в период борьбы против феодально-абсолютистских режимов, при образовании буржуазных национальных государств, эта теория имела в свое время прогрессивный характер. Ее сторонники (Клюбер, Блюнчли, Мартенс, Уляницкий, Ривье, Бонфис, Фошиль, Кунц и др.), низводя признание нового государства до простого «оглашения» этого факта, упускали из виду, что оно, кроме того, порождает для нового государства массу важных политических и юридических последствий.

Признание не создает нового субъекта международного права, это факт. Государства, возникшие в ходе реализации права на самоопределение, и правительства, пришедшие к власти в результате свободного волеизъявления народа, будут существовать независимо от того, пользуются ли они признанием со стороны других государств или нет. Но признание нормализует их международные отношения, способствует укреплению мира и безопасности, разрядке международной напряженности и установлению добрососедских отношений. Поэтому, естественно, признание не сводится лишь к информационному акту, имея важное политическое значение и серьезные юридические последствия.

Основным критерием правомерности существования тех или иных государств является их возникновение в результате подлинного волеизъявления народов [12. С. 149]. Только оно может обеспечить жизнеспособность государств и эффективность их правительств.

Еще более рельефно мысль о связи суверенного качества государства и международно-правового признания выразил И. Херцег: «Признание государства означает признание факта обладания суверенитетом, другими словами, констатацию государствами, что живущий на определенной территории и организованный в государство народ самостоятелен и как таковой становится членом международно-правового сообщества наций, то есть на него распространяются общепризнанные нормы международного права» [15. С. 329].

Любые правоотношения возможны лишь в случае, если участники признают друг друга в качестве субъектов права [8. С. 348]. Признание делает государство полноценным членом международного сообщества, открывает широкие возможности реализации своих прав во взаимоотношениях с другими государствами.

В литературе и, пожалуй, в практике преобладает мнение, согласно которому признание целиком зависит от воли признающего государства. Вместе с тем некоторые видные юристы (Г. Лаутерпахт, Б. Ченг) полагали, что у сообщества государств существует обязанность признать новое государство, если оно удовлетворяет необходимым требованиям. Отказ в признании считается недружелюбным актом. Международно-правовой принцип сотрудничества обязывает государства устанавливать и поддерживать связи друг с другом, независимо от существующих между ними различий.

Как известно, в рабовладельческом и феодальном обществах характерным являлось возникновение новых государств в результате завоевания. В это же время велись и освободительные войны. Так, в результате длительной войны в 1576 г. Нидерланды получили независимость от Испании. В 1640 г. их примеру последовала Португалия. В ходе этих войн впервые встал вопрос о признании новых государств. Великобритания, Франция, Австрия и другие европейские державы, заинтересованные в поддержании экономических связей с богатой морской республикой, признали Нидерланды, независимость которых Испания официально признала только на Вестфальском Конгрессе в 1648 г.

В ходе буржуазных революций во всей остроте встал вопрос о признании государств, возникших в результате отделения колоний и зависимых террито-

рий, а также в результате объединения разобщенных частей одной и той же нации. Эти движения характерны для конца XVIII — начала XIX в. Феодално-абсолютистские державы долгое время противились этому процессу, что выразилось, в частности, в непризнании новых государств и даже в объявлении войны тем государствам, которые предоставляли таковое признание.

Признание Италии и Германии в 1871 г. не сопровождалось, к их счастью, осложнениями подобного рода.

На Берлинском конгрессе в 1878 г. великие державы предоставили коллективное признание Румынии, Сербии и Черногории, отделившимся от Османской империи. Спустя 30 лет была также признана и Болгария, освободившаяся от турецкого ига.

Признание правительств

Признание вновь образованного государства означает признание и его правительства, без которого нет самого государства. В некоторых случаях оба вида признания имеют одинаковые последствия. Так, после образования Советского государства многие иностранные государства признали советское правительство, что рассматривалось и как признание государства.

Вопрос о признании правительства возникает, как правило, в случае, когда в рамках существующего государства, признанного субъектом международного права, в результате революции или государственного переворота (в любом случае неконституционным путем), меняется правительство. Встает вопрос о признании полномочий высших органов публичной власти нового правительства и непризнания, в связи с этим, полномочий всяких иных органов, конкурирующих с признаваемыми. То есть признание нового правительства означает, что признающее государство рассматривает его в качестве законного и единственного представителя государства в международных отношениях.

Современное международное право не регулирует внутреннюю борьбу в государстве, вследствие которой произошел государственный переворот, приведший к возникновению нового правительства (последний пример такого рода — события в Гондурасе), однако порой судьба нового правительства целиком и полностью зависит от его признания или непризнания. В целом, современное международное право считает представителем государства то правительство, которое эффективно и самостоятельно осуществляет власть на территории данного государства.

В период феодализма вопрос о признании правительства вообще не вставал. Восстановление дипломатических отношений рассматривалось как признание «законности» того или иного монарха и его династических прав на престол [12. С. 149]. Признание правительства впервые приобрело актуальность в период буржуазных революций, сопровождавшихся свержением династий «государей божьей милостью». В XIX в. на смену «законности» монархов пришел критерий «конституционности» образования правительств. Особенно острым стал вопрос о признании правительств во второй половине позапрошлого века на

американском континенте, на который укрепляющиеся США пытались распространить свое влияние [6].

В стремлении противодействовать перманентным государственным переворотам на континенте и систематическому вмешательству иностранных государств (в первую очередь США) во внутренние дела латиноамериканских стран министр иностранных дел Эквадора Тобар выдвинул в специальной декларации от 15 марта 1907 г. доктрину признания правительств («доктрина Тобара»). Юридически она была оформлена в дополнительной конвенции к Генеральному договору мира и дружбы, подписанному в Вашингтоне 20 декабря 1907 г. Гватемалой, Гондурасом, Коста-Рикой, Никарагуа и Сальвадором. В Конвенции провозглашалось, что отныне не будут признаваться правительства, возникшие «в результате государственного переворота или революции, направленных против признанного правительства, пока свободно избранное народное представительство не реорганизует страну в конституционных формах» [12. С. 150].

В свою очередь, по мнению Тобара, соседи должны (пусть косвенно) осуществлять вмешательство во внутренние дела государства, где совершен переворот: «такое вмешательство может, по крайней мере, принять форму отказа в признании любого де-факто правительства, созданного революционным путем и вопреки конституционному режиму». В 1963 г. эта доктрина была поддержана президентом Венесуэлы Р. Бетанкурором. Впоследствии рассматриваемую доктрину называли еще «доктриной Тобара-Вильсона», из-за того, что США, взявшие ее на вооружение, рассматривали признание непризнаваемого ими правительства в качестве «недружелюбного акта».

Иную точку зрения представляла другая американская доктрина, официально сформулированная в коммюнике министра иностранных дел Мексики — Эстрады о признании правительств от 27 сентября 1930 г. («доктрина Эстрады»). Исходя из того, что иностранные государства, вдаваясь в оценку правомерности новых правительств, вмешиваются в их внутренние дела, мексиканское правительство провозгласило свое намерение ограничиваться поддержанием или прекращением дипломатических отношений со всяким существующим де-факто правительством.

Современная практика все чаще придерживается того, что решающим условием признания правительства является эффективность его власти. США формулируют свою позицию следующим образом: «Установление официальных отношений с законным правительством любого государства, коль скоро это правительство осуществляет эффективный контроль на территории и способно брать и выполнять международные обязательства» [2].

Растущее число государств (Великобритания, США, Бельгия, Австралия и др.) отказываются от практики заявлений о признании правительств, ограничиваясь установлением или отказом от установления связей с ними, хотя суть дела от изменения формы признания от этого не меняется.

С другой стороны, нельзя не отметить, что такого рода практика обоснованна: смягчается роль иностранного государства «как судьбы в деле оценки за-

конности правительства» [8. С. 350]. Вместе с тем обнаруживается тенденция к усилению контроля за легитимностью образования новых правительств со стороны мирового сообщества. Достаточно вспомнить в этой связи роль ООН в обеспечении непризнания расистского режима в Южной Родезии. Необходимость воздерживаться от признания правительств, пришедших к власти путем насилия, а не путем свободных выборов, и не соблюдающих права человека, осознается все большим числом правительств.

Признание правительства не должно быть преждевременным или бесконечно затягиваться, так как это может служить формой вмешательства во внутренние дела или способом оказания давления на правительство извне. Государство, признающее новое правительство, гарантировано от ошибок, если оно, оценивая законность нового правительства, основывается на волеизъявлении соответствующего народа, право которого на самоопределение является общепризнанным принципом современного международного права.

Как и в случае с государством, признание правительства может быть фактическим и юридическим. Первое используется в тех случаях, когда новое правительство не отвечает требованиям, необходимым для его окончательного признания, например, когда власть в стране еще не утвердилась в достаточной мере. Между тем интересы иностранного государства требуют установления с ним определенных связей, например, для защиты своих граждан или имущества.

Фактическое признание является временным, предварительным и может быть отозвано. Последствия фактического признания в каждом случае различны. Иногда они близки к полному признанию. Юридическое признание окончательно и не может быть отозвано. Обе формы признания имеют обратную силу, распространяются на правовые акты признаваемого правительства, изданные до его признания.

Признание восставшей и воюющей стороны

Практика признания восставших и воюющих сторон сложилась в первой половине позапрошлого века, в период буржуазно-демократических движений в Европе и Америке. Признание в качестве восставших и воюющих должно было означать, что восстание, гражданская война или национально-освободительное движение из «конфликта, имеющего внутренний характер», превращалось в «конфликт, имеющий международный характер». Признание восставших означало также, что признающее государство признает факт восстания против правительства и не будет рассматривать повстанцев как вооруженных преступников. Признающие государства нередко заявляли о признании за повстанцами определенных прав, например, права убежища, права на получение гуманитарной помощи, то есть минимального международного статуса, относящегося к их военным акциям.

Несколько более широким является круг международных прав при признании воюющей стороной. В этом случае на восставших распространяется международное гуманитарное право практически в том же объеме, что и на государства,

включая нейтралитет. Условием признания является наличие значительной территории государства, устойчиво контролируемой повстанцами, и эффективное командование вооруженными силами, обеспечивающее соблюдение воинской дисциплины и требований норм международного гуманитарного права.

В качестве признания восставшей стороны можно сослаться на признание в 1896 г. Соединенными Штатами Америки Кубы, боровшейся против испанского владычества. В качестве воюющей стороны были признаны: Англией в 1823 г. — Греция, боровшаяся за отделение от Оттоманской империи; Англией и Францией — Юг и Север Америки во время войны между ними в 60-х гг. XIX в.; Великобританией — франкистские мятежники в 1937 г. Их признание, как правило, не влечет за собой установления дипломатических отношений, хотя исключения бывают. Так, правительство Великобритании обменялось с франкистскими мятежниками представителями, признаваемыми английскими юристами «дипломатическими во всех отношениях, за исключением их наименований и рангов» [12. С. 154].

Признанные в качестве восставшей или воюющей стороны повстанцы сами несут ответственность перед иностранными правительствами, признавшими их, за истребление или конфискацию их имущества и др.

Когда повстанцы добиваются отделения своей территории, возникает вопрос о признании нового государства. Этот вопрос, по мнению отечественных ученых, возникает только в том случае, если они собственными силами, без поддержки извне, низлагают центральное правительство и устанавливают свой контроль над основной частью государственной территории. Только тогда на повестку дня встает вопрос о признании народившегося правительства.

Признание борющейся нации

Прочную правовую основу данный вид признания получил в первой половине XX в., когда в международном праве утвердился принцип самоопределения наций и народов. Народ становится действующим субъектом международного права с момента начала борьбы за свою независимость и создание собственной государственности, когда им созданы властные структуры, объединенные единым центром, руководящие этой борьбой. Признание органа национального освобождения, возглавляющего борьбу за создание собственного государства, и есть признание данного народа (данной нации) в качестве формирующегося государства, есть констатация международной правосубъектности борющихся наций и народов. Орган национального освобождения в этом случае приравнивается к правительству нового нарождающегося государства.

Хрестоматийным примером признания органа борющейся нации было, например, признание Организации Освобождения Палестины в качестве единственного законного представителя палестинского народа. К концу 80-х гг. прошлого века ООП признали около ста государств и Генеральная Ассамблея ООН (резолюция XXIX сессии от 22 ноября 1974 г.). В конце концов их примеру последовал и Израиль.

И в данном случае, так же как и применительно к государству, признание имеет констатирующее значение и является переходным к признанию государства, когда таковое будет создано. Примером может служить признание многими государствами Фронта национального освобождения Алжира.

Следует отметить, что о признании нации впервые заговорили во время Первой мировой войны, когда чехи, словенцы, поляки и другие малые восточноевропейские народы воевали на стороне Антанты против Австро-венгерской и Германской империй. Представители этих народов боролись за образование собственных национальных государств, а их борьбу возглавляли созданные в эмиграции органы национального освобождения. Было это в период, когда положениям «14 пунктов» Вудро Вильсона и первым декретам советской власти, касающимся права наций на самоопределение, еще только предстояло появиться на свет, чтобы затем найти свое отражение в Статуте Лиги Наций и Уставе ООН.

Признание органов сопротивления

Этот вид признания возник во время Второй мировой войны, когда страны антигитлеровской коалиции признавали органы Сопротивления, созданные сражающимися против гитлеровских оккупантов народами целого ряда европейских стран. В некоторых случаях признание таких органов рассматривалось как признание власти. Практически оно было переходным к признанию в качестве правительства и сыграло важную роль в укреплении международного положения некоторых европейских государств после Второй мировой войны (Польши, Югославии, Франции и др.).

Как и в случае с ООП, возьмем в качестве хрестоматийного примера для международного признания данного вида органы Сопротивления Франции.

Так, 28 сентября 1942 г. Советское правительство признало Французский Национальный Комитет руководящим органом Сражающейся Франции и единственным органом, обладающим правом представлять интересы граждан Франции и французских территорий при правительстве СССР [1. С. 313]. Не менее категоричным было признание Советским Союзом Французского комитета национального освобождения, созданного на новом этапе освободительной борьбы французского народа (3 июня 1943 г.).

Действуя последовательно и решительно, Советское правительство признало также образованное в июне 1944 г. Временное правительство Франции [1. С. 274]. Аналогичным образом Советским Союзом и его соратниками в борьбе с фашистской Германией были признаны органы Сопротивления других европейских стран.

Признание эмигрантских правительств (правительств в изгнании)

Наряду с признанием органов Национального освобождения или Сопротивления, в годы Второй мировой войны значительную роль играло и признание эмигрантских правительств (правительств в изгнании), оказавшихся вне своей территории вследствие оккупации ее агрессором.

В эти годы правительства Советского Союза, США и Великобритании поддерживали дипломатические отношения с находившимися в эмиграции правительствами европейских стран, оказавшихся под оккупацией гитлеровской Германии. Эти правительства участвовали во многих союзнических актах, направленных на борьбу с общим врагом.

Не все эмигрантские правительства могли осуществлять фактическое руководство движением Сопротивления в сочетании с действенным его контролем, и в странах антигитлеровской коалиции это учитывалось. Но они не могли не принимать во внимание и того, что признание конституционно образованных в свое время органов власти, нормальное функционирование которых было прервано агрессией (то есть международным преступлением) и которые официально провозглашали своей главной задачей борьбу с захватчиками, само по себе являлось одним из важных, мобилизующих мировую общественность, факторов освободительной войны.

И все же главным критерием при определении легитимности эмигрантских правительств является, помимо конституционности их образования и признания их другими государствами, эффективность их деятельности, которая выражается в поддержании повседневной связи со своим народом и руководством его борьбой.

Советское правительство во время Второй мировой войны признало эмигрантские правительства: Бельгии, Голландии, Люксембурга, Норвегии, Чехословакии, Югославии, Польши, Греции и Французский Комитет национального спасения.

Возвращаясь к критериям легитимности рассматриваемых органов власти, необходимо оговориться, что признание правительств, свергнутых собственным народом и бежавших в другую страну, противоречит принципам современного международного права.

В зависимости от объема устанавливаемых правоотношений различают полное признание (де-юре) и признание ограниченное (де-факто). Данные формы признания, главным образом, касаются государств и правительств, причем последних — в первую очередь.

Признание де-юре

Это классический вид международно-правового признания. Оно характеризуется установлением нормальных дипломатических отношений, создающих наиболее благоприятные (по сравнению с любой другой формой представительства) юридические условия для развития сотрудничества между признающей и признаваемой сторонами. Признание де-юре влечет за собой обязанность со стороны признающих государств уважать и применять в надлежащих случаях законодательство признаваемого субъекта международного права. В этом смысле признание, как уже отмечалось, имеет обратную силу законов, принятых признаваемым государством до его признания.

Признание де-юре может выражаться в форме декларации, обмена нотами, соглашения. Установление дипломатических отношений всегда является свидетельством полного признания, то есть признания де-юре.

Новое государство, с момента своего появления на международной арене, имеет право на полное и окончательное признание (признание де-юре). Д.И. Фельдман отмечал: «Различают правительства конституционные и неконституционные, революционные и реакционные, законные и незаконные. Но нельзя говорить о государствах законных и незаконных. Все государства, вышедшие на международную арену в результате осуществления принципа самоопределения, законны с точки зрения международного права» [14. С. 130].

Еще в 20-х гг. XX в. Е.А. Коровин, говоря о значении признания де-факто, отмечал, что оно никоим образом не может противопоставляться «признанию юридическому (*expresse*). Строго говоря, в праве и его теории не может быть и речи о признании неюридическом» [4. С. 27].

По мнению Ф.И. Кожевникова, различия между признанием де-факто и признанием де-юре «не в том, что одно “фактическое”, а другое — “юридическое”. И в том и в другом случае налицо юридическое признание, но в разном объеме» [3. С. 64].

С.Б. Крылов также видел различия между двумя основными формами признания «в степени, широте объема тех отношений, которые завязываются между данными государствами, между государством признаваемым и государством признающим» [9. С. 133].

Из приведенных высказываний отечественных ученых следует, что как признание де-юре, так и признание де-факто создают определенную правовую основу для отношений двух государств. Что же касается объема и содержания этих отношений, то они «определяются данными государствами непосредственно» [7. С. 92; 14. С. 132].

Таким образом, большинство авторов, как отечественных, так и зарубежных, согласно в том, что признание де-юре — официальное признание в полном объеме.

Некоторые юристы допускали возможность отобрания признания, даже — признания де-юре [23. S. 813], чему горячо возражали другие, полагая, что отрицать констатацию уже установленного факта образования государства — не что иное, как доведение ситуации до абсурда (*reductio ad absurdum*) [22. S. 92]. Т. Чен полагал, что признание де-юре означает одобрение признающим государством возникновения нового, признаваемого государства [24. P. 25], с чем вряд ли можно согласиться в силу большого числа противоположного характера, когда государства, признающие друг друга даже де-юре, находятся в отношениях, весьма далеких от искренности и доброжелательности.

Констатация образования нового государства отнюдь не тождественна одобрению. Она не нуждается ни в каких градациях. Новое государство либо существует, либо нет. Третьего не дано [14. С. 136].

Г. Лаутерпахт — видный знаток в области теории признания — полагал, что полное дипломатическое общение имеет место только при признании де-юре [19. P. 229].

Признание де-факто

Обобщая практику международно-правового признания государств и правительств (до Второй мировой войны), исследуя западную доктрину о формах признания, отечественные юристы пришли к выводу, что признание де-факто — одна из самых неясных проблем международно-правовой теории [14. С. 137]. Каждый из двух терминов (де-юре и де-факто) не всегда одинаково понимался различными исследователями, и, что особенно важно, не проводилось никакого разграничения между формами признания в зависимости от вида признания [17. Р. 302].

Между тем, например, признание де-факто нового государства и аналогичное признание нового правительства — это далеко не одно и то же. Признание де-факто могут дать правительству тогда, когда оно еще только находится на пути к обретению власти. Другое дело — признание нового государства. Исторический факт появления нового государства имеет огромное значение как для него самого, так и для сообщества государств, и соответствующие государства, для создания прочной юридической основы своих отношений с новым государством, используют акт признания, совершая тем самым юридический акт независимо от того, облекается ли он в форму признания де-юре или де-факто.

Признание де-факто — тоже официальное, но не полное. Отношения, складывающиеся между признаваемым и признающим государствами на основе признания де-факто, представляют переходный этап к отношениям, которые устанавливаются между субъектами международного права после признания де-юре. История международного права не знает примеров, когда бы одно государство постоянно признавало другое только де-факто. В данном случае можно говорить о временном признании, которое либо будет прекращено (не получит своего дальнейшего развития и тихо сойдет на нет), либо перейдет к полному признанию. Объем отношений после признания де-факто порой определяется международными соглашениями. В зависимости от намерений признающей стороны объем признания в данном случае может быть различен. С новым государством устанавливаются лишь ограниченные отношения — неполные и ненормальные [16. S. 380]. Данной формой признания вынуждены были пользоваться третьи страны в отношении временных правительств народов, сражавшихся за свое освобождение, чтобы не давать метрополиям лишних поводов ужесточать ситуацию.

В международном праве нет ни конвенционных, ни обычных норм, которые оправдывали бы дифференциацию признания новых государств де-юре и де-факто, в силу чего каждый автор и каждая признающая сторона всегда вкладывали в эти формы признания свой собственный смысл. Так, американский юрист У. Гоулд называл признание де-факто «условным признанием государственности» [18. Р. 237] и полагал, что оно должно даваться, когда имеются сомнения в дальнейшем развитии возникшего независимого государства. Немецкий юрист В. Швенк считал, что термин «признание де-факто» необходимо заменить другим и ввести категорию «временного признания». Такое признание, по его мнению, должно даваться признаваемому государству, когда признаю-

щему государству неясно, обладает ли новое образование всеми качествами, присущими государству [23. S. 812].

С другой стороны, Д.И. Фельдман, больше других отечественных ученых занимавшийся проблемой признания, отмечал, что данная форма признания претерпела в последнее время определенную трансформацию. Если в период наибольшего признания де-факто, до Второй мировой войны, к нему прибегали в качестве альтернативы признания де-юре, то в послевоенные годы признание де-факто сплошь и рядом применяли вместо непризнания как такового. Если в первом случае оно было, как правило, ограниченным, временным и неустойчивым, то впоследствии — значительно шире по своим юридическим последствиям [14. С. 131].

Во всех случаях различного подхода к данному виду признания трудно отделиться от мысли, что в основе их мотивации лежит политическая подоплека. Не случайно поляк Б. Вевюра отмечал, что сама политическая функция института признания находит свое выражение в дифференциации двух форм признания [25. S. 129].

Как отмечал Д.И. Фельдман, между полным признанием и непризнанием существует определенная градация «промежуточных форм признания», служащих базой для разного рода отношений и контактов с новыми государствами. Промежуточные формы могут иметь официальный, полуофициальный и неофициальный характер. Первая из них и относится к той категории, что называется признанием де-факто [14. С. 132]. Объем юридических последствий, наступающих после признания де-факто, нередко служит предметом предварительных переговоров [21. S. 100].

Некоторые авторы относят признание к актам одностороннего волеизъявления государств. Но на деле при осуществлении юридических последствий признания нельзя не видеть тесную связь волеизъявлений признающего и признаваемого государств.

В целом к признанию де-факто государства обращались не столь часто, как может показаться на первый взгляд. В течение трех этапов общего кризиса колониальной системы число новых государств, возникших на месте бывших колоний, исчислялось десятками. Но буквально по пальцам можно пересчитать те из них, что первоначально были признаны де-факто. Это Индонезия, Демократическая Республика Вьетнам, Иордания, Израиль, Алжир и несколько других.

В шеститомном курсе международного права по данному поводу сказано, что «следует согласиться с мнением, высказанным представителями социалистической теории международного права, что признание де-факто нельзя считать в международном праве обоснованным» и что «было бы желательным, чтобы оно на практике не применялось. Но пока признание де-факто новых государств встречается в международной жизни, было бы точнее разграничивать не признание де-юре и де-факто, а полное официальное и неполное официальное признание» [5. С. 25].

Д.И. Фельдман полагал, что «институт признания новых государств де-факто обречен, так как он несовместим с принципом равноправия государств» [14. С. 136]. Трудно не согласиться в этом с одним из патриархов отечественной науки международного права, большую часть своей жизни посвятившим исследованию рассматриваемой проблемы.

Признание де-факто ограничивает права признаваемого государства, которое имеет право на полное и окончательное признание, будучи суверенным и миролюбивым, независимо от размера территории, численности населения, характера общественного строя, формы правления и государственного устройства. Вступление нового государства в международное сообщество не есть прием нового члена в какую-то международную организацию или престижный закрытый клуб избранных, поскольку новое государство изначально является членом международного общения в силу самого факта своего появления на свет (*ipso facto*).

Признание ad hoc (фактическое)

Все усиливающаяся международная взаимозависимость государств ведет к тому, что даже при упорном нежелании признать новое образование, хотя бы де-факто, другому государству приходится вступать с ним в «отношения, требующие некоего юридического оформления». Такое «признание» — *ad hoc* (признание на данный, конкретный случай) — не влечет за собой выходящих за рамки данного случая правовых последствий. Рассматриваемый вид признания носит специализированный характер. Признание в данном случае представляется лишь в объеме, необходимом для конкретного мероприятия, и прекращается сразу же после его окончания [11. С. 142].

Другими словами, признание *ad hoc* — это фактические отношения с дестинатором признания при официальном его непризнании [5. С. 24]. Это, главным образом, контакты по отдельным вопросам (включая политические) представителей правительств. Вопрос о юридическом значении контактов и связей на правительственной основе при непризнании недостаточно исследован, хотя примеров подобных отношений в международной практике накопилось немало. Известны многочисленные контакты представителей правительства, к примеру, США, с представителями КНДР, КНР, ДРВ и др. по самым различным проблемам международной жизни в условиях, когда сами Соединенные Штаты настойчиво подчеркивали непризнание названных государств. Из практики последних десятилетий можно сослаться на примеры подобных связей между руководством Сербии и Косово, России и Чечни в разгар продолжающихся военных действий между ними.

Несомненно, для международного порядка в целом признание *ad hoc* лучше, чем полное отсутствие всяких контактов и непризнание: деловые контакты, официальные связи, различные формы фактического общения на правительственной основе содействуют международному сотрудничеству и решению мирным путем многих острых спорных проблем. Отсутствие же признания, напротив, идет вразрез с объективной потребностью экономического, политического и иного сотрудничества государств.

Официальные контакты порой завершаются подписанием двусторонних и многосторонних соглашений, что можно квалифицировать как своеобразное, специфическое признание.

Фактическое признание (признание *ad hoc*) нередко сопровождается заявлением о том, что государство, вступая в те или иные правоотношения с новым государством, его тем самым не признает. Подобное дезавуирование не может скрыть наличия таких правоотношений с новым государством, которые мало чем отличаются от правоотношений между признающими друг друга субъектами международного права. Особенно это бросается в глаза при так называемом подразумеваемом признании.

Исследователи отмечали, что в соглашениях с участием не признающих полностью друг друга государств заключено определенное противоречие, которое особенно резко проступает при заключении двусторонних договоров, хотя имеется и при многосторонних.

Если строго придерживаться презумпции права каждого нового государства на его признание со стороны других государств, нельзя не согласиться с мнением, высказанным большим количеством юристов, изучавших данный феномен, что сохранение в практике отдельных государств такого политического инструмента, как промежуточные формы признания, являются анахронизмом, при всей кажущейся их привлекательности для решения сиюминутных проблем общения старых и нарождающихся субъектов международного права.

Участие новых субъектов международного права в международных организациях

Право нового государства на участие в международных организациях ни в какой мере не связано с его признанием другими государствами. Признание нового государства может лишь содействовать реализации его прав, в том числе и во взаимоотношениях с международными организациями. Однако оно не порождает для него каких-либо особых прав в глазах международных организаций: локальных, региональных, универсальных и наднациональных международных учреждений.

Уставы международных организаций не предусматривают признание или непризнание государствами-членами нового государства в качестве условия для его принятия в число своих членов. Возьмем, к примеру, практику Организации Объединенных Наций. Прием государства в члены ООН является очевидным подтверждением его международной правосубъектности. Вместе с тем он не означает ни его коллективного признания, ни индивидуального признания со стороны отдельных государств — членов ООН. Равным образом, отказ в принятии государства в члены ООН не равносителен его непризнанию [10. С. 91].

В этом находит свое выражение активная роль автономной воли международных организаций и независимость внешней политики суверенных государств — основных участников международных отношений.

В целом, и это необходимо особо отметить, отношения, складывающиеся между новыми субъектами международного права и международными организациями, в связи с их признанием или непризнанием, менее политизированы, чем двусторонние отношения государств. Они более демократичны и транспарентны и больше соответствуют духу и букве общепризнанных принципов международного права, в том числе и закрепленных в Уставе ООН.

Применительно к национально-освободительным движениям, действовавшим, к примеру, в Африке, ООН признавала лишь те из них, которые признавались также Организацией африканского единства в качестве единственных представителей своих народов.

Признание в качестве нации было произведено международным органом лишь однажды. Страны Антанты в 1917–1918 гг. признали Чехословакию и Польшу, которые тогда еще только конституировались в качестве независимых государств, но уже создавали свои военные формирования на территории Франции, что и вызвало необходимость производить признания такого рода. Впоследствии признание нации стало ассоциироваться с признанием органов национальных движений, представляющих ее в международных отношениях.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что исследование различных концепций признания, рассмотрение действия этого института во времени (с момента его зарождения до наших дней), изучение взглядов отечественных и зарубежных ученых, обращавшихся к данной проблеме, как и обзор практики последнего времени в этой части, дают основание для следующего вывода: по мере постепенного «размывания» суверенитета государств в связи с появлением наднациональных учреждений и ускорения процесса унификации процедурных норм и практики в данной сфере отдельные («промежуточные») формы признания (де-факто, *ad hoc*) утрачивают свое первоначальное значение и уходят в прошлое, уступая место официальному признанию в полном объеме (признанию де-юре).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. — М.: Госполитиздат, 1946. — Т. II.
- [2] Заявление представителя Госдепартамента США // *New York Times*. — 1990. — March, 12.
- [3] *Кожевников Ф.И.* Учебное пособие по международному публичному праву. — М.: Юриздат, 1947.
- [4] *Коровин Е.А.* Современное публичное право. — М.: Госюриздат, 1926.
- [5] Курс международного права (в шести томах). — М.: Наука, 1967. — Т. III.
- [6] *Лазарев М.И.* Дворцовые перевороты в странах Латинской Америки. — М.: Юрид. лит., 1967.
- [7] *Лисовский В.И.* Международное право. Изд. 2-е. — М.: Высшая школа, 1961.
- [8] *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть. Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2008.
- [9] Международное право. — М.: Юриздат, 1947.

- [10] Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. — М.: «М/О», 2003.
- [11] Международное право: Учебник / Отв. ред. Г.И. Тункин. — М.: «Ю/Л», 1974.
- [12] Международное право: Учебник / Под ред. Н.Т. Блатовой, Л.А. Моджорян. — М.: Юрид. лит., 1979.
- [13] Тункин Г.И. Основы современного международного права. — М., 1979.
- [14] Фельдман Д.И. О некоторых формах и способах международно-правового признания новых государств // Советский ежегодник международного права. — 1963. — М., 1965.
- [15] Херцег И. Признание государств и правительств. Проблемы международного права. — М.: «И/Л», 1961.
- [16] Bindschedler R. Die Anerkennung im Volkerrecht // Archiv des Volkerrechts. — 1962. — Bd. 9, Marz, H 4.
- [17] Charpentier J. La reconnaissance international et l'evolution du droit des gens. — P., 1956.
- [18] Gould W. An Introduction to International Law. — N.Y., 1957.
- [19] Lauterpacht H. Recognition in International Law. — Cambridge, 1947.
- [20] Orfield E. Cases and Materials on International Law. — L., 1956.
- [21] Outrata V. Mezinarodni pravo vereyne. — Praha, 1960.
- [22] Paul V. Uznani statu a vlady v pravu mezinarodnim // Studie z mezinarodniho prava. — Praha. — 1963. — № 7.
- [23] Schwenk W. Zur Frage der Anerkennung des Sonnenregimes // Aussen Politik. — 1961. — H. 12.
- [24] Ti-Chiang Chen. The International Law of Recognition. — L., 1951.
- [25] Wewiora B. Uznanie nabytkow terytorialnych w prawie miedzynarodowim. — Poznan, 1961.

FORMS AND TYPES OF RECOGNITION IN MODERN INTERNATIONAL LAW

Kh.M. Dzhantaev

The Center for Research into Economic Problems of the RAS
Council for the Study of Productive Forces (CSPF) of RAS
7, Vavilova st., Moscow, Russia, 117997

On the basis of the analysis of various concepts of a recognition and consideration of the mechanism of action of this institute of recognition in time, generalizations of modern practice the author comes to the conclusion that separate («intermediate») forms of a recognition (de facto, ad hoc) lose the initial value, giving way to an official recognition in full volume (to a recognition de jure).

Key words: recognition de jure, de facto, ad hoc; recognition of states, the governments, the rival party, nation, the government in exile.